

40 ЛЕТ ИМИ: ОТ ПРОБЛЕМНОЙ ЛАБОРАТОРИИ К ИНСТИТУТУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Л. Чечевишников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....
Прикладной внешнеполитический анализ является визитной карточкой МГИМО. В 2016 г. исполняется 40 лет этому важнейшему элементу субъектности нашего университета.

Развитие МГИМО как ведущего экспертно-аналитического центра происходило во взаимодействии с Министерством иностранных дел и в тесном сотрудничестве с другими ключевыми институтами, формирующими внешнюю политику государства и отвечающими за обеспечение национальных интересов России в мире. И сегодня приоритетным направлением научной политики МГИМО является развитие экспертизы и аналитических разработок, ориентированных на научно-практическое сопровождение деятельности государственных органов. Такие исследования являются основным, но не единственным направлением работы Института международных исследований.

.....

Ключевые слова: ИМИ, международные отношения, Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений, Научно-координационный совет по международным исследованиям, М.А. Хрусталёв, А.А. Злобин, В.Б. Тихомиров, И.Г. Тюлин, М.М. Лебедева, В.М. Сергеев.

Институт создан в мае 2009 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей более системного и прогностического характера, решения задач по выявлению тенденций эволюции международных процессов, освоения новых исследовательских секторов – региональных и проблемных, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО – Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990), Центра международных исследований (1990–2004) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009).

Институт включает в себя 12 научных центров: глобальных проблем, постсоветских исследований, БРИКС, евро-атлантической безопасности, проблем Кавказа и региональной безопасности, ближневосточных исследований, региональных политических исследований, исследований Восточной Азии и ШОС, партнерства цивилизаций, североамериканских и балтийских исследований, аналитический центр и (внештатный) Центр сравнительных политических исследований стран Евразии.

Интеллектуальной продукцией ИМИ пользуются все основные государственные структуры, занимающиеся вопросами формирования внешней политики страны: Администрация Президента РФ, Аппарат Правительства РФ, палаты Федерального Собрания РФ, Совет безопасности РФ, Министерство обороны, ОДКБ и другие.

***

Становление прикладных исследований в МГИМО началось в 1970-е годы. Под воздействием дискуссии вокруг социологических вопросов международных отношений получили развитие и прикладные междисциплинарные исследования в области внешней политики. Инициаторами были Дмитрий Владимирович Ермоленко, Юрий Александрович Замошкин, Марк Арсеньевич Хрусталёв, Анатолий Андреевич Злобин, Владислав Борисович Тихомиров. Затем к ним присоединились Иван Георгиевич Тюлин, Марина Михайловна Лебедева и Виктор Михайлович Сергеев (который и поныне работает в ИМИ).

В проводимых исследованиях внутренняя и внешняя политика отдельных государств, конкретные международно-политические ситуации анализировались с позиций комплекса различных дисциплин – истории, социологии, экономической науки, психологии, а также математики. Тем самым было положено начало по-

литологическому направлению научной работы в МГИМО как области изучения политических процессов с применением комплексных методов и приёмов. Важную роль в продвижении новаторских направлений работы сыграл Николай Иванович Лебедев, возглавлявший МГИМО с 1974 по 1985 год.

Прикладные исследования учёных института вызвали значительный интерес со стороны Министерства иностранных дел СССР, других практических организаций и получили их поддержку. Министерство выступило с инициативой создания в МГИМО специального подразделения – Проблемной исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений. Инициатором создания лаборатории был её первый руководитель В.Б. Тихомиров, на смену которому вскоре пришел И.Г. Тюлин.

Функционал Лаборатории заключался в применении системного анализа и количественных методов при формировании данных для принятия «более обоснованных решений в области международных отношений с целью снижения уровня неопределённости при оценке ожидаемых последствий этих решений»; в применении экспертных оценок в области политического прогнозирования, их использовании «при решении задач, связанных с оценкой внутривнутриполитической обстановки в капиталистических и развивающихся странах»; в оценке «политического фона для развития научно-технического и политического сотрудничества с зарубежными странами»¹.

Работа Проблемной лаборатории имела не только прикладное измерение – научные труды её сотрудников легли в основу новых учебных курсов МГИМО, существенно расширив область практической подготовки студентов. Уже во второй половине 1970-х годов в учебный план Факультета международных отношений сначала в качестве факультативного, а затем обязательно предмета был введён курс «Теория международных отношений». Основателями мгимовской школы ТМО стали В.И. Антюхина-Московченко, М.А. Хрусталёв и А.А. Злобин. Теоретические и прикладные разработки Проблемной лаборатории заложили основы преподавания на Факультете международных отношений таких дисциплин, как «Теория политического анализа» и «Конфликтология», «Ведение переговоров» и ряда других.

Из воспоминаний М.А. Хрусталёва [3]:

«...От наших сотрудников требовали не просто выявления закономерностей развития обстановки, а конкретных результатов в виде политических рекомендаций.»

Становление прикладной теории в МГИМО в 1970-х годах было связано, прежде всего, с именем

¹ Из письма министра высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютина министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 23 марта 1976 года. В документе выражалась поддержка данной инициативы МИД СССР. Проблемная лаборатория была создана в соответствии с решением Государственного комитета Совета министров СССР по науке и технике от 6 апреля 1976 года.

■ Научная жизнь

и деятельностью Владислава Борисовича Тихомирова². Это был человек с большими связями и очень энергичный. Причем, первое тогда было важнее. Передавали, что у него был выход на круг личных друзей Л.И. Брежнева. Тихомиров начал карьеру в системе военно-промышленного комплекса (ВПК), а Брежнев имел в этих кругах много друзей.

Придя в МГИМО, Тихомиров добился создания Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений. Он ставил перед собой не только научные задачи, но и вполне конкретные цели карьерного характера. Человек был талантливым, и ему удалось разработать оригинальную экспертную методiku, на основе которой он вместе с Анатолием Андреевичем Злобиным³ [1] и мной выполнил несколько новаторских работ. Эти исследования носили действительно прогнозистический характер, благодаря чему они сразу получили поддержку со стороны МИД и КГБ. [3] В работах, о которых идет речь, использовались, конечно, старые наработки. Тихомиров действительно создал Проблемную лабораторию, но еще до ее создания в МГИМО кое-что делалось, и все накопленное было использовано в лаборатории. [3]

К сожалению, Тихомиров проработал в МГИМО не долго. В 1978 г. он получил исковое – назначение в ООН, уехал в длительную командировку за рубеж, после которой в МГИМО уже не вернулся».

Вспоминает В.М. Сергеев:

«Внесение современных методов в анализ международных отношений – таким я видел задачу Проблемной лаборатории, когда она была создана. Уже в 1960-е годы имел место пик в применении новых методов в американских исследованиях в области международных отношений. У нас же эти методы были практически неизвестны. И потому ознакомление зарождавшейся тогда в нашей стране политической науки с американскими методиками, их продвижение и совершенствование – всё это было весьма актуально.

В «проблемку» я пришел в 1978 году. Иван Георгиевич Тюлин, возглавивший ее после Владислава Борисовича Тихомирова, поставил передо мной задачу исследования переговоров. В это время шёл общеевропейский процесс, и Тюлин предложил разработать методы, которые могли бы более точно определять, где этот процесс находится и каковы его критические точки. Я занимался этой темой вместе с Вадимом Бо-

рисовичем Луковым. Примерно через три года, то есть к Мадридской встрече СБСЕ у нас была практически готовая модель, которая достаточно хорошо описывала процесс. Мы придумали, как квантифицировать тексты дебатов, что позволяло видеть перспективу.

Начали мы с анализа ситуации переговоров по декалогу. Этот анализ выявил две ключевые точки во всем огромном объеме переговоров: нерушимость границ и права человека. Мы обнаружили, что идет размен по этим позициям и назревает пакетная сделка: уступки Запада в отношении первого сопровождаются уступками СССР в отношении второго. Нами был подготовлен большой доклад в МИД, который был высоко оценен. В 1981-1983 годах, по инициативе Тюлина, результаты были опубликованы за рубежом. Разумеется, публиковалась лишь общая схема, конкретные результаты не приводились.

Параллельно мы вели и другой проект – по анализу политического мышления. При этом исследовались две предметные зоны: полностью открыто велся историко-ретроспективный анализ мышления немецких правящих кругов в период франко-прусской войны, а рядом – осуществлялся закрытый анализ политического мышления Джона Кеннеди в период Карибского кризиса. Методика была одна и та же. В отличие от первой темы, здесь мы не просто использовали американскую методiku, а вносили в неё принципиальные изменения, которые позволили моделировать действия политиков, то есть моделировать возможные ответные реакции. Эта работа тоже получила высокую оценку в МИД.

Две названные темы составляли тогда примерно треть всех исследований Проблемной лаборатории. Кроме этого велась работа по проблематике Южной Африки (переговоры по Зимбабве, по Юго-Западной Африке) и Ирана. Эти направления вел Марк Арсеньевич Хрусталёв.

Вспоминает Алексей Викторович Шестопап [4]:

«С Иваном Георгиевичем Тюлиным, а тогда, конечно, просто с Ваней, мы познакомились в конце 1960-х гг. на семинаре Дмитрия Владимировича Ермоленко по моделированию международных отношений. Семинар проходил то в МГИМО, то в МИД. Мы с Борей Старостиним были уже аспирантами, а Ваня был еще студентом, и нас удивило решение Дмитрия Владимировича поручить Тюлину подготовку ответственного заседания семинара, на котором должны были присутствовать ведущие специалисты ИМЭМО. Иван справился отлично, и мне запомнилась его

² Тихомиров Владислав Борисович (1930-1998), доктор технических наук, профессор, в 1975–1978 – заведующий кафедрой математических методов и руководитель (1976–1978) Проблемной лаборатории МГИМО МИД России, в дальнейшем – ведущий сотрудник и один из руководителей Института тренинга и исследований при ООН (UN Institute of Training and Research Policy Efficiency Studies, UNITAR) в Женеве. В последние годы жизни – профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, политический консультант ряда избирательных кампаний в России и на Украине, автор оригинальных аналитических моделей «колеса Тихомирова», «решетка Тихомирова» и др.

³ Злобин Анатолий Андреевич (1932–2003) – кандидат исторических наук, доцент, в 1991–1996 – заведующий кафедрой международных отношений МГИМО.

манера свободно и достойно держаться в разговорах с собеседниками любого возраста и ранга. Он немного подражал Ермоленко, даже в мимике и интонациях голоса, но ему это сочетание солидности с юмором шло.

Познакомившись, мы с Ваней стали узнавать друг друга на выставках, концертах и премьерах спектаклей, где он часто появлялся со своей мамой Натальей Ивановной. Составился общий круг знакомых – не только международных, но и молодых музыкантов и художников. Вскоре Тюлин стал аспирантом и основным помощником Ермоленко по проведению семинаров в МИД, а также заседаний секций международных отношений в Социологической ассоциации и Философском обществе, которыми руководил Дмитрий Владимирович. В эти же годы Иван работал помощником ректора МГИМО. Поэтому, когда он защитил кандидатскую диссертацию и стал руководителем Проблемной лаборатории системного анализа международных отношений, то он уже всех знал, и его все знали. В МГИМО он по существу выполнял ту функцию, которую осуществлял Ермоленко в МИД – соединения международных ученых с международниками-практиками».

А.Д. Богатуров о И.Г. Тюлине [2]:

«...Он откровенно благоволил к умным, испытывал интерес к людям вообще, был одарен способностью находить общий язык, не без лукавства очаровывая и привлекать на свою сторону.

Не вынося рутины, он не умел стоять на месте и требовал такой же динамики от окружающих. Рядом с ним было интересно, хоть не всегда легко. Он не был ни простым, ни мягким. Простота не главное условие успеха международного, а И.Г. Тюлин был человеком профессионально безоговорочно успешным. [2]

При этом – красивая, интересная, насыщенная интеллектуальная и культурная жизнь. Любовь к театру – более всего балетному – Иван Георгиевич пронес через всю жизнь, одаривая ей, доставая и раздавая билеты в Большой театр всем знакомым русским и иностранцам, которые испытывали к этому виду искусства хоть сколько-нибудь заметный интерес. [2]

Заслуга И.Г. Тюлина – формирование школы ТМО в МГИМО. При его сначала менее явной, а потом – безоговорочно мощной и постоянной поддержке в МГИМО сложилась школа системно-структурного анализа, связанная с именами М.А. Хрусталёва, В.Б. Тихомирова и А.А.Злобина. Эта школа начала формироваться без непосредственного участия Ивана Георгиевича. Но именно он, официально возглавляя созданную в МГИМО Лабораторию системного анализа международных отношений в 1978–1990 годах, придал этой школе научную и социальную респектабельность, остро необходимые ей связи в отечественном и международном профессиональном сообществе, а также – политическое прикрытие, без которого в советские годы в нашей стране ТМО просто не могла существовать. [2]

Родившись в высокообразованной семье (отец – видный ученый-ракетостроитель, мать – крупный организатор библиотечного дела), И.Г. Тюлин слегка причудливым образом сочетал в себе элитарное корпоративное сознание с неподдельным интересом к простому человеку, к народу в точном смысле слова. Легкий интеллектуальный снобизм не блокировал в нём способность заметить и оценить «искру Божию» в заезжем провинциале. Казалось, Иван Георгиевич испытывает тайное наслаждение, помогая талантам раскрываться. Он любил зажигать звёзды и был, по счастью, свободен от ревности к чужим успехам. Главный талант И.Г. Тюлина состоял в его мощном научном инстинкте, который в сочетании с высокой внутренней культурой давал способность безошибочно отличать настоящее от подделки и светлое от мракобесного. Несколько десятилетий в стенах МГИМО он оставался одним из главных генераторов нового и передового».

Из воспоминаний М.А. Хрусталёва:

«После ухода Тихомирова Проблемной лабораторией стал руководить И.Г. Тюлин. Школа стала развиваться, количество заказов возрастало, а сами работы делались разнообразнее. Возник проект прогнозирования развития ситуации в Иране после свержения в этой стране шахского режима в 1979 году. Тогда не было ясно, какую линию целесообразней избрать в иранском вопросе. В исследовании МГИМО было доказано, что «режим мулл» в Тегеране стабилен, а конфликтовать с ним по поводу его репрессий против ТУДЕ бесполезно.

Был сделан и ряд других работ. В частности, в 1980 г. получился интересный по результатам анализ ситуации в ЭСКАТО. Тогда руководство Проблемной лаборатории впервые столкнулось с тем, что заключения аналитиков не совпадают с теми оценками работы советской делегации в этой организации, которых придерживался МИД.

Выяснилось, что западные спецслужбы и западные дипломаты смогли переиграть наших. При распределении мест в ЭСКАТО представители СССР были приглашены работать в престижные по названиям, но лишенные практического влияния комиссии. В итоге, вся информация, которая интересовала советскую делегацию (нам в те годы были нужны сведения о зарубежных технологических новациях), приходила по каналам наименее престижных по названиям комиссий, куда представители МИД даже не стремились попасть. Это был умелый обмен: западные партнеры были твердо намерены не допустить советских представителей к новой технологической информации. Когда в исследовании лаборатории МГИМО эта картина была вскрыта, в МИД были этому не очень рады. Возник первый конфликт между практиками и исследователями. [3]

Начались трудности кадрового характера. Молодые талантливые сотрудники, которые уже набрались определенного опыта, стали искать для себя более престижную работу. У них

■ Научная жизнь

уже сложилось мнение о том, что они – зрелые специалисты. В самом деле, по уровню они порой уже превосходили многих специалистов старшего возраста. В.Б. Луков пошёл в центральный аппарат МИД, а потом перешёл на дипломатическую работу за рубежом. В.М. Сергеев перешел на работу в ИСКАН, а впоследствии в МГУ защитил докторскую диссертацию по историческим наукам, хотя начинал как математик.

Эти кадровые потери по существу ничем не были компенсированы, так как приток новых людей в эти годы по существу был уже затруднён материальными обстоятельствами. Из-за разницы в зарплатах молодёжь стремилась на практическую работу – в МИД, а не в науку. Правда, кое-кто шёл и в науку: в 1978 г. в Проблемную лабораторию пришла М.М. Лебедева. Появлялись и некоторые другие, но они, правда, надолго не задерживались. Были заметны черты общего кризиса: естественное желание молодых людей быстрее сделать карьеру и понимание невозможности скорой карьеры в науке расхолаживали. Ставки оплаты труда сотрудников ниже уровня доктора наук были низкими – явно недостаточными для нормальной жизни даже по советским стандартам 1980-х годов.

Для перехода в категорию хорошо оплачиваемых сотрудников надо было иметь учёную степень доктора наук. Но подготовить докторскую, работая в Проблемной лаборатории, было сложно. Прикладные работы, которых требовал от нас МИД, предполагали проведение интенсивных подготовительных работ протяжённостью от 6 месяцев до одного года. Если человек начинал работать по такому проекту, то, соответственно, он переставал работать над диссертацией.

При этом аналитические работы для МИД почти никогда не публиковались. Они были «закрытыми» – писались под грифом «для служебного пользования». Более того, наши анализы были коллективными работами, а не индивидуальными авторскими. Поэтому сотрудники Проблемной лаборатории труднее приобретали известность в научных кругах, а их труды не издавались в открытой печати и не цитировались.

В 1990 г. И.Г. Тюлин был выдвинут на руководящую работу, в качестве проректора МГИМО по научной работе, а я был назначен директором Проблемной лаборатории, которая была переименована в Центр международных исследований (ЦМИ). Это был период «тихого увядания». В 2004 г. ЦМИ был ещё раз переименован и преобразован в Научно-координационный совет по международным исследованиям. В итоге произошел отказ от моделирования в пользу традиционной академической исследовательской работы. Всё вернулось к тому, от чего когда-то ушли» [3].

Вспоминает Марина Михайловна Лебедева, ныне заведующая кафедрой мировых политических процессов Факультета политологии МГИМО:

«С осени 1978 года я начала работать в МГИМО в Проблемной лаборатории системного ана-

лиза международных отношений, которую в то время возглавлял Иван Георгиевич Тюлин. Целый ряд моментов сразу меня поразил. Очень молодой коллектив – всем тогда было около тридцати. Такое редко можно было встретить в советских научных коллективах по международным исследованиям. При однородности в возрастном плане – огромное разнообразие в базовом образовании и научных интересах. Лаборатория объединила (этот глагол действительно уместен здесь) исследователей международных отношений, юристов, экономистов, математиков, психологов... Потом из лаборатории, кадровый состав которой очень тщательно подбирал Иван Георгиевич, вышли политические деятели, послы, многие ответственные работники ряда российских учреждений, депутаты Государственной думы, известные ученые.

Тематика исследований Лаборатории явно не соответствовала привычным рамкам 1970-х годов – международные конфликты, их урегулирование и переговоры. Тогда обычно писали о гонке вооружений, противостоянии Западу и т.п. Попытка выйти за идеологические рамки и посмотреть на международную проблематику с аналитической точки зрения была абсолютно революционной. В целом, при всех оговорках, которые могут быть сделаны, это получилось. Одно из многочисленных свидетельств тому – заключение американского коллеги, заметившего, что работы по переговорам в МГИМО по ряду вопросов обогнали американские разработки [5].

Кроме тематики и междисциплинарного состава Лаборатории необычными для советских условий были и методы исследования. Сегодня мы понимаем, что их можно определить как модернистские – контент-анализ, когнитивное картирование, моделирование, ивент-анализ... Все они вошли в современные учебники. Но тогда, в конце 1970-х – начале 1980-х годов, для Советского Союза это было новым. И если в ИМЭМО в то время появились первые описания этих методов, то в МГИМО они впервые в нашей стране стали применяться для изучения международных отношений».

Вспоминает Алексей Иванович Подберёзкин, ныне директор Центра военно-политических исследований МГИМО:

«Это был радикальный шаг в науке, потому что в изучении международных отношений тогда работало крайне мало людей. Было несколько центров. Лидером, безусловно, был ИМЭМО, где отдельные проблемы прорабатывались, но применительно к практической деятельности этим не занимался никто. Был огромный разрыв между реальной политикой и исследованиями. Сейчас многие практики работают в исследовательских центрах, тогда же это было скорее исключением. В лаборатории сложился уникальный коллектив. Это была уникальная возможность, когда человек мог заниматься наукой (как мы тогда говорили, своими любимыми вещами) за государственный счёт. Каждый выбирал тему исследования сам

и писал то, что хотел. Никто не требовал выполнения планов, не было жесткого контроля, была свобода, практически не возможная в тех условиях. Было весело и интересно. Сложилось уникальное сообщество людей, в которое входили также сотрудники ИМЭМО, Дипакадемии и МИД. При всех тогдашних фобиях и маниах секретности удавалось сочетать практические задачи и академический интерес.

Я выбрал для себя военно-политическую проблематику, которой как дисциплины в СССР тогда вообще не было. До конца 1970-х какие-либо книги на эту тему были крайне редки – 3-4 книжки, опубликованные сотрудниками МГИМО и Института США и Канады, а потом сектором военно-политических проблем ИМЭМО, – на этом вся дисциплина и заканчивалась.

К сожалению, начиная с 1987 года потребность во всём этом исчезла. В правящих элитах СССР, а затем России, возобладал непрофессионализм. Обоснования методов и рекомендаций не требовалось. Наше сообщество оказалось ненужным. Люди стали думать, как прокормиться, как выжить. Лаборатория же впала в анабиоз.

Я был младшим научным сотрудником в Лаборатории, подготовил кандидатскую диссертацию, имел очень много публикаций, что для тех времен было необычно. Затем перешёл на практическую работу в ЦК ВЛКСМ, занимался там созданием коллектива внештатных консультантов-международников – порядка полутора тысяч человек было в это вовлечено».

Эшелонированная система подготовки государственных решений в области внешней политики, созданная в 1970-1980-е годы, начиная с 1992 года в значительной степени была свернута вследствие не востребоваемости со стороны тогдашнего руководства МИД России, что стало отражением общего падения уровня культуры внешнеполитического планирования, примитивизации подходов к некоторым фундаментальным вопросам современных международных отношений.

В 1990 году Проблемная лаборатория была реорганизована в Центр международных исследований, который возглавил М.А. Хрусталёв. С 1998 по 2004 год ЦМИ руководил В.М. Сергеев.

Вспоминает В.М. Сергеев:

«С 1985 года в моей работе в МГИМО наступил длительный перерыв. Андрей Афанасьевич Кокошин предложил перейти в ИСКАН, где была создана лаборатория по моделированию политического мышления. Она работала под эгидой Совета по проблемам сознания, действовавшего при Военно-промышленной комиссии и возглавлявшегося Евгением Павловичем Велиховым. Там я работал до 1990 года, когда перешел в Аналитический центр по проблемам социально-политического и научно-технического развития при Президиуме АН СССР. В МГИМО вернулся в 1998-м.

В отличие от довольно большого штата «проблемки» (около 40 единиц), ЦМИ имел примерно 15 ставок и по характеру работы был далёк от прежней лаборатории. По-видимому, резко снизился интерес МИД к профильной для старой «проблемки» тематике. Практические задачи не ставились. Соответственно, и зарплаты были символическими. Оставшиеся в штате сотрудники занимались темами, интересными им самим. (Впрочем, «проблемка» сломалась не сразу – лишь к середине 1990-х она превратилась, что называется, в пепелище.)

За годы директорства в ЦМИ я написал две книги – одну, по заказу Института перспективных исследований в Стокгольме, по проблемам демократии, другую, в соавторстве с Р.Т. Гриффитсом, посвящённую сравнению постсоветской России с послевоенной Западной Европой. Мы существовали за счёт зарубежных командировок и грантов. Занимались также проблемой формирования политических партий в постсоветской России – вели проект, который показывал, как работает Государственная дума. Над этим проектом работали также А.В. Беляев, В.Ф. Артюшкин и Л.Ю. Гусев.

Я много говорил с Тюлиным, с Мельвилем⁴ о необходимости структурирования ЦМИ, что позволило бы преодолеть стихийность в его работе. Со временем эти аргументы сработали и в 2004 году было создан НКСМИ.

Каковы интеллектуальные итоги старой «проблемки»? Ответ на этот вопрос двоякий. С одной стороны, не оправдались надежды на использование в политологии математических методов. Прежде всего, в США, но и у нас, эти методы пытались применять так, как будто мир общества имеет ту же организацию, что и физический мир. Слабость такого подхода оказалась видна уже достаточно рано. Но случались и успехи. Так, удачный прогноз иранской революции, разработанной Тихомировым, довольно грубой и в целом не эффективной на мой взгляд. Впоследствии это направление не развивалось ни у нас, ни в США. Потому что мир политики это не углеродный мир. Эти технологии вдохновлялись надеждами таких людей, как Сингер, Аксельрод. Впрочем, последний довольно быстро переключился на анализ языка и политического знания.

Уже в начале 1970-х годов в США сформировалось альтернативное направление, которое и по сей день интенсивно развивается. Оно весьма отдаленно связано с методиками квантификации. Речь идет об углубленном исследовании текста. Это уже – совершенно иное, это изучение мозгов политических деятелей и «мозгов» тех институтов, которые функционируют в международной сфере. Это уже не попытка найти законы природы в общественной жизни, а попытка разобраться в том, что из себя представляет тот неудобоваримый бульон, с которым

⁴ Мельвиль Андрей Юрьевич, в 1999–2009 гг. – проректор по научной работе.

■ Научная жизнь

мы имеем дело в политике. Собственно, именно этой проблематикой я и занимался, придя в 1978 году в МГИМО. У соответствующих методик есть слабое место – они весьма трудозатратны, причём, прежде всего, в части высококвалифицированного труда. Для таких исследований необходимо предварительно схематизировать тысячи страниц документов. Компьютер такой работе научить невозможно. Но когда эта технология все-таки применяется, она, как правило, имеет успех. С 2010–2011 годов по заказу Аналитического центра при Правительстве РФ я реализовал проект анализа глобального видения, присущего администрации Барака Обамы. Его результаты частично опубликованы (как и в 1980-х годах – только общая схема)».

В 2004 году Центр международных исследований был преобразован в Научно-координационный совет по международным исследованиям, а в 2009 году – на его базе был учрежден Институт международных исследований. Экспертно-аналитическая работа в МГИМО вновь обрела должную системность. По сравнению с предшествующим периодом более чем на порядок возросла интенсивность подготовки документов для практических организаций. Постепенно расширяется и сфера публичной аналитики – часть своих разработок Институт ориентирует для публичного предложения и обсуждения, издает в виде открытых аналитических докладов. В ИМИ проводятся научно-общественные мероприятия различного формата по актуальным проблемам международных отношений и мировой политики, результаты которых, как правило, публикуются в научной периодике и освещаются в общественно-политических СМИ. Существенная часть научных сотрудников Института совмещает занятия прикладными исследованиями с преподавательской работой в МГИМО.

Измерение эффективности работы так называемых thinktanks – задача весьма деликатная и вряд ли имеющая удовлетворительное решение. Вместе с тем, некоторые международные рейтинги – при всей их условности и обусловленности – уже заметили упомянутые выше позитивные изменения: например, в рейтинге ведущих мировых экспертно-аналитических центров на базе

университетов, который ежегодно составляется в Университете Пенсильвании, по итогам 2015 года МГИМО занял двенадцатое место.

Директором Института международных исследований является Александр Арсеньевич Орлов, обладающий большим опытом дипломатической и научной деятельности. Имеет дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника. Являясь заместителем директора Департамента международных организаций МИД России (1993–2001), занимался широким кругом вопросов деятельности Совета Безопасности ООН, неоднократно возглавлял делегации Российской Федерации на различных конференциях и сессиях органов ООН. В качестве исполнительного секретаря Межведомственной комиссии по координации участия Российской Федерации в миротворческой деятельности (1994–2001) и специального координатора (по поручению Правительства РФ) по вопросам гуманитарного разминирования (1999–2001) посетил многие «горячие точки», включая бывшую Югославию в период самой острой фазы внутреннего конфликта в этой стране. В 1994 году был заместителем руководителя российской делегации на саммите ОБСЕ в Будапеште, а ранее – представлял Российскую Федерацию на заключительном этапе создания Парламентской ассамблеи СБСЕ в Мадриде (1992). В качестве специального представителя министра иностранных дел России по вопросам отношений с Движением неприсоединения (2001–2004) участвовал в работе ряда саммитов и министерских конференций ДН. В 2001–2004 годах был заместителем директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России, являлся представителем министра иностранных дел России по связям с научной общественностью. В настоящее время – профессор кафедры ЮНЕСКО МГИМО, член Научно-экспертного совета ОДКБ, Экспертного совета Аналитического центра при Правительстве РФ, ряда других экспертных советов и научных объединений. Автор нескольких монографий и более ста пятидесяти научных статей (в том числе, опубликованных под псевдонимами А. Сентябрёв, О. Александров, А. Асенов). Является одним из разработчиков Концепции внешней политики РФ 2000 года.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. Сбережем в своей памяти. Анатолий Андреевич Злобин (11 декабря 1932 – 31 июля 2003) // Международные процессы. 2003. Том 1. № 3. С. 166–167
2. Богатуров А.Д. Сбережем в своей памяти. Иван Георгиевич Тюлин (1947–2007) // Международные процессы. Том 5. № 2 (14). Май – август 2007. С. 153–154.
3. Хрусталёв М.А. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. Том 4. № 2 (11). Май – август 2006
4. Шестопал А.В. Иван Георгиевич Тюлин и теория международных отношений // Научные школы МГИМО в лицах. Том I. М.: МГИМО-Университет, 2014. 373–374.
5. Bennett P.R. The Soviet Union and Arms Control: Negotiation Strategy and Tactics. NewYorka.o.: Praeger, 1989.

Об авторе

Чечевишников Александр Леонидович – к.ист.н., доцент, заместитель директора Институт международных исследований.

40TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE OF INTERNATIONAL STUDIES: FROM A PROBLEM LABORATORY TO THE INSTITUTE OF INTERNATIONAL STUDIES

A.L. Chechevishnikov

Moscow State University of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Applied foreign policy analysis is the hallmark of MGIMO-University. 2016 marks 40th anniversary of introduction of this element to the identity of our university in a form of Problem Research Laboratory. MGIMO development as a leading think tank took place in cooperation with the Ministry of Foreign Affairs and in close cooperation with other key institutions that shape foreign policy and are responsible for ensuring the national interests of Russia in the world. Today MGIMO's priority is the development of political policy expertise and analytical development-oriented scientific and practical support of the activities of state bodies. Such studies are the main but not the only focus of the Institute of International Studies.*

Key words: Problem Research Laboratory of System Analysis of International Relations, M.A. Khrustalev, A.A. Zlobin, V.B. Tikhomirov, I.G. Tyulin, MM Lebedeva.

References

1. Bogaturov A.D. Saving In Our Memory. Anatoly A. Zlobin (11 December 1932 - 31 July 2003). International Processes. 2003. Vol. 1. No. 3. P. 166-167
2. Bogaturov A.D. Saving In Our Memory. Tyulin Ivan G. (1947-2007). International Processes. Vol. No 2 (14). May - August 2007, pp 153-154.
3. Khrustalev M.A. Two branches of IR Theory in Russia. International Processes. Vol 4. No. 2 (11). May - August 2006
4. Shestopal A.V. Tyulina I. G. and Theory of International Relations. Scientific MGIMO schools. Volume I. Moscow: MGIMO-University, 2014. P. 373-374.
5. Benett P.R. The Soviet Union and Arms Control: Negotiation Strategy and Tactics. NewYorka.: Praeger, 1989.

About the author

Chechevishnikov Alexander Leonidovich – PhD in History, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of International Studies